

АЛЕКСАНДР ЛОЗИНСКИЙ

ЦЕНА
ЖАЛОСТИ

18+

Александр Лозинский

Цена жалости

«Автор»

2026

Лозинский А.

Цена жалости / А. Лозинский — «Автор», 2026

Завершены бои в Москве и под Саратовом. Геополитическая обстановка накаляется. Всем хочется быть союзниками победителей, но, что, если победителям не нужны союзники. Что, если им нужен только ресурс? В конце концов намеченные в жертву бывшие старшие партнёры - это событие. И не может же оно висеть в воздухе? Алексей продолжает поиск себя, но что он будет делать с этой находкой, и какую цену придётся уплатить за возможность остановки Плана?

© Лозинский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Январь 2018. Нижегородская область.	7
Глава 2. Январь 2018. Нижегородская область.	13
Глава 3. Январь 2018. Нижегородская область.	19
Глава 4. Январь 2018. Нижегородская область.	25
Глава 5. Январь 2018. Нижегородская область.	31

Александр Лозинский

Цена жалости

Пролог

Знаешь ли ты, где проходит граница между «рано» и «поздно»? Между двумя положениями маятника, названия которым даёт не факт, а отношение к нему. Между «недостаточно» и «чрезмерно», где цена складывается из песчинок, которые превращаются в картины Верещагина? Между «ни за что» и «кто, если не я», когда ты сам только ищешь, кто ты? Есть ли она? Можно ли на ней удержаться, и не окажется ли, что у каждого она своя, и споры о ней могут сами развести маятник в крайние положения?

И кто будет иметь право провести её для других? Отделить одно от другого. Сделать несуществующее — бывшим.

Магов на планете стало много. Не так, чтобы набралось на государство, да и что вообще они смогут построить. Но не принимать во внимание последствия уже стало невозможно.

Принятые на службу, загнанные в подполье, стремящиеся... А к чему стремящиеся?

Развитие, реализация низменных позывов, метания меж двумя полюсами, люди как скот и люди как объект служения.

Санкционированная охота и тайная помощь, государевы убийцы и незаконные защитники. Никаких однозначных ответов. Никаких категорий, избавляющих от необходимости смотреть на человека.

Недолго.

Нашивки, повязки, татуировки, звания — Система всегда сильнее одиночек. И всегда находит для них место. Как и способы противодействия. И не только для них.

Люди в белом, встречающие рассвет в городах Малой Азии, перейдя границу новой «истинной веры», столкнулись с тишиной. Единство дало плоды, и Заливные Монархии вздохнули чуть спокойней.

Тринадцать человек в белых одеждах, босых, подпоясавшихся тонкой верёвкой, вышли на главную площадь Нью-Дели. И, хотя полиция их арестовала уже через пятнадцать минут, — стрелять никто не решился — буквально через день воды в Инде на пакистанской территории стало на десять процентов больше. А те, кто совсем недавно хитро подкручивал усы на переговорах, начали поглядывать на вторую сторону с опаской и без превосходства.

Корея шёпотом, через союзников, но так, что услышал весь мир, заявила, что создала прототип детектора магов. И демонстративно опробовала его, расстреляв одного из выявленных, которому не помог щит и очень сильный огненный потенциал. Собранный по требованию США Совбез ООН резолюцию провалил практически единогласно. Применение права вето не потребовалось.

Но торчащие уши заметили все.

Мир искал способы, решения, выходы. Хватался за одно, отбрасывал второе. Кто-то хотел быть на острие, кому-то было удобнее в кильватере, но объективная реальность заставляла на всех планах дописать огнём, водой, электричеством: «Плюс X».

Страх перед Британией, её пси-операторами чуть отступил, показав, что можно противостоять, и не только падая из объятий одного хищника ко второму, но события в Кремле ясно свидетельствовали, что борьба не закончена, и было бы опрометчиво на ходу менять стороны.

Проще затаиться.

А избиратели, электорат, податное население? Да кому они нужны, когда США демонстративно вывозит «тайно хранившиеся» на базе Лейкенхит оставшиеся ядерные бомбы, кото-

рые ещё в 2008 году должны были вернуться домой. И всем умным людям очевидно, что кого-то будут бить.

Каждый считал шансы, надеясь успеть впрыгнуть в последний вагон. Успеть доказать победителю: «Я свой! Я нужный!» Но никто не понимал, что, когда рвутся такие нити — своих не бывает. Есть только ресурс.

В лучшем случае — инструмент.

Сосчитанный, аккуратно уложенный в ячейки, отсортированный, с выбитыми характеристиками. Удобный — или нет.

Никого не волнует, хочет ли ключ крутить гайку. Это его задача. Он для этого создан.

Если он возьмётся делать это самостоятельно, не требуя руки мастера — хорошо. Будет сам определять, какие гайки нуждаются в подкрутке? Великолепно. Возьмётся за работу там, куда мастеру и заглядывать не хочется? Прекрасно.

А вот голос подавать инструмент не должен.

Не нужно ему это. Иначе начнёт замечать и те гайки, что крутить не должно. И объясняя ему, почему так, ты из инструмента сделаешь человека. Не страшно?

Твои планы держатся на том, что ты — Игрок. Фигуры не должны обсуждать с тобой, чья очередь уходить в отбой. Их дело фигурье. Снимут, поставят, покрутят доску, стой себе, жди приказа.

Но что, если Слон начнёт прыгать по полю? А если ещё и за пальцы укусит? И не ударишь его, нужен Слон. Да и жалко его — сам же строгал, шлифовал, красил. Лак сдувал, чтобы не застыл потёками.

Опасное это дело, к фигурам привязываться.

Может, проще быть фигурой? Инструментом каким?

Может, и проще. Пока тебя не заставят принимать решения. Пока бог, которого ты выдавливаешь, не спросит: «А зачем?»

И ты, не найдя ответа, не желая метаться, застынешь мухой в янтаре. Действительно, зачем? Кто оценит твои мучения по избавлению от себя, если ты-Бог силен, эффектен, эффективен. Если тебя боятся, уважают, возносят.

Инструментов — только свистни. Боги — штучный товар.

И ты становишься Им. Тебе поют псалом. Ты — волен вязать и разрешать. Ты решаешь, что будет меньшим злом. Ты — Закон.

Не только тому, что рядом, но и себе.

Ты можешь убить и простить. Ты можешь покарать и пожалеть. Застыв в одном из положений маятника, ты можешь выбрать спасать, жалеть, миловать. Но не окажется ли твоя жалость хуже, чем кара? Дороже.

Кто взвесит, сосчитает, измерит? Кто назначит цену?

Цену жалости.

Глава 1. Январь 2018. Нижегородская область.

— Ты можешь хотя бы сейчас не быть напряжённым как струна? Нет, не струна, как интерн перед первой самостоятельной операцией. — Голос Мари-Хелен только на мгновение дрогнул, но её пальцы не заметили этой полусекундной заминки.

Мы лежали на кровати в моей комнате, куда улеглись около десяти часов. Она — у стены, полусидя, подложив все подушки под спину. Я — чуть наискось, почти уткнувшись головой в её бок. Зверь — в её ногах.

Я попытался пошутить про One dog night, но девушка обсмеяла меня, заявив, что мы слишком вольно относимся к теплу. И что она представить себе не могла, что можно зимой открывать окна настежь, чтобы не было так жарко.

Её рука перебирала мои волосы, а коротко постриженные ногти иногда покалывали кожу головы, отчего я расплывался в идиотской улыбке.

— Нет. Не могу. Я даже сплю — зарываюсь в подушку так, как будто где-то там есть бункер.

Пальцы на миг дрогнули, чуть сильнее вонзившись в голову. Я блаженно застонал и скорее почувствовал по дрожи матраса, чем услышал беззлобный смешок Мари-Хелен.

После слов Якова мы не говорили о Москве и Саратове. Возражать было бессмысленно, что-то говорить сверх сказанного — смешно. Он не был прав в абсолютном исчислении, но предлагал новый взгляд, который до того не был мной замечен.

Мы продолжили общаться, сначала осторожно, чтобы не наступить на больные места, потом свободнее, раскрываясь и оттаивая.

Толик принёс несколько своих работ. Парень здорово продвинулся в работе с кристаллами. Подозреваю, что Яше пришлось бы слишком долго «убеждать» сапфир принять форму двух парней, удерживающих цветок взрыва на вытянутых руках.

Мари-Хелен приняла работу бережно. Как ребёнка. Она заворожённо смотрела на лица, на детали одежды, даже на ногти на пальцах.

— Это. Я не знаю, сколько это вообще может стоить. Ты не думал заняться скульптурой и работать в большом мире.

— Не-а. Это так — парням подарок на Новый год. В общем зале потом поставим. — Анатолий отмахнулся, налегая на салат. — Мне интересно работать с серьёзными вещами, на стыке с физикой и сопротивлением материалов.

— Да, — подтвердил Яков. — Если бы не ты, я бы с каждой заготовкой возился втрое, а то и вчетверо дольше. Почему-то выращивание идёт много легче, чем заставлять под личные мерки форму принимать.

— Это потому, что ты всё время о Жениных формах думаешь, — подпустил шпильку я, за что тут же получил салфеткой по шее от Мари-Хелен. — Здоровый смех обеих женщин и слегка покрасневшее лицо моего друга говорили, что укол попал в цель.

— Так вот. Твой племянник буквально влёт строгаёт по одному атомному слою и получает готовый элемент брони из «отливки». А главное, точнее, чем получалось у меня на первых костюмах.

Я поднялся и протянул руку. Парень, смущаясь, пожал её.

Мари-Хелен уже думала о чем-то своём.

— То есть фактически, ты можешь так вот поатомно убрать, например, крепёж в ногах Алекса, стимулируя костную ткань постепенно прорасти в освободившееся место? — она почувствовала азарт. — А наплывы и прочие ошибки роста тоже растворить, чтобы, — девушка крутила пальцем в воздухе, пытаясь донести мысль до неспециалистов. — Неважно, главное, убрать лишнее без вмешательства.

Толик быстро посмотрел на меня, отвернул голову, что-то начал считать на пальцах, загибая их на левой руке. Затем чуть потемнел лицом и ответил:

— Не знаю. В теории — да. Но вы же понимаете, что кости могут и не нарасти? И, если честно, я живую ткань не пробовал.

— Ну не принижай достижения. А кто пару нулей в пыль по стенкам размазал? У тебя счёт побольше, чем у некоторых, кто постарше тебя! — Я попытался подбодрить племянника.

Но он почему-то уткнулся головой в стол и застыл.

— Лёш, я не знаю, насколько ты в курсе, но Анатолий категорически против использования его дара для военных целей. — Яков говорил спокойно, как будто о погоде. При этом даже не смотрел на парня.

— Достойная позиция.

— Спасибо, дядь Лёш. Я не специально. Просто как-то думал об этом, и так плохо стало.

— Не переживай. Я обязательно донесу до командования, чтобы и попыток не было.

— А другие? Они же будут считать меня...

— Не будут. Якова ведь никто не считает. И кто сказал, что подвиги только на поле боя бывают?

Он посмотрел на седину и морщины, получил пару кивков от наставника и с явным облегчением вздохнул, потянувшись за куском ветчины.

— А вы, Лёш? Вы с Мари-Хелен, — рука девушки, лежащая на моём плече, резко сжалась, заставляя ключицу заныть, — уже планировали что-то? — Женя была настолько вовремя, насколько вообще может быть оппонент на защите, тычущий пальцем в работу.

Я молчал. Не потому, что хотел предоставить слово, а просто не знал, что сказать. Буквально.

— Я бы очень хотела продолжить практику. Иметь возможность видеть родителей и бабушку. Не бояться каждый день за это самое ваше будущее. — Можно было принять голос Мари-Хелен за сарказм, но в нём была боль.

Оборванные корни не заживают мгновенно. Как и открытые раны.

— Ну а если предположить, что?.. — Женя не сдавалась, в ответ на суровый взгляд жениха, шлёпнув его по коленке.

Я улыбнулся.

— Знаешь. Не мне планировать будущее. Да и что я умею? — Вздох ударился о стены мастерской и затих. — Но если фантазировать, то мне тоже хотелось бы, чтобы Мари-Хелен нашла себя в хорошем врачебном коллективе. Очень надеюсь, что это будет у нас, а не где-то ещё.

— Ты боишься, что за рубежом её арестуют? — Толик смотрел на девушку, которая замерла от волнения.

— Боюсь. Но даже если бы и нет. Я не хочу отпускать.

— Почему? Ты влюбился?

Я не знал, куда себя деть. Три взрослых серьёзных взгляда буравили меня не хуже проходческих щитов. Одно дело было признаться в тишине, с глазу на глаз. Другое — на людях. Это уже не отмотаешь назад, не сделаешь небывшим.

— Да. — Сердце рухнуло куда-то к копчику. Отскочило, встав под горлом. Я сглотнул, глядя в глаза Мари-Хелен.

Она обвела нас взглядом, развихрила волосы на моей голове. Набралась смелости и ответила.

— И я склонна ему поверить.

Яков с Женей как-то быстро переглянулись между собой, как игроки, чьи ставки неожиданно сыграли, и улыбнулись.

— Я ему тоже верю, — геммолог заявил это не хуже министра иностранных дел, как будто фиксировал признание.

— Вы что-то знали? — Мари-Хелен с подозрением посмотрела на нас. Вопрос был несправедливый.

— Нет. — Твёрдо ответила Женя. — Но я вижу, с какими глазами он на тебя смотрит.

Моя соседка показала ей под столом сжатый кулак. Я сделал вид, что не заметил. Яков налил ещё пива.

— А почему вы шампанское не взяли? Новый год же положено с ним?

— Какой новый год, такое и шампанское, — рассмеялся я, чтобы увести разговор подальше от опасной темы.

К счастью, дальше разговор перешёл на самих Якова и Женю. Я спросил о его руке на её животе. Не планируют ли они ребёнка? Меня обругали за то, что я настолько их не уважаю, чтобы решить, что она может в таком состоянии пить пиво. Хотя, очевидно, мысль у ребят в голове уже сидела.

Мари-Хелен, слегка захмелев, рассказывала истории из студенческого прошлого. Мы поддакивали, хотя три четверти профессионального жаргона совершенно не понимали. Потом был Яков. Затем Женя.

У меня тоже были истории, но как ни крутил их в голове, всё равно на добрый финал выйти не получалось, поэтому слушал, поддакивал, помогал, подсказывая подходящие слова для перевода.

А потом на коммуникатор прилетело сообщение от Сергея.

«С наступающим Новым годом!»

И настроение ушло, будто его и не было.

Отстучав дежурное «И вас также», я предложил собираться.

Пока девушки и мой племянник возились с остатками еды, Яков махнул головой в сторону двери. Мы накинули куртки и вышли на улицу.

— Ты вообще серьёзно, Лёш?

— Угу. — Буркнул я.

— Ты давай, филина не изображай. Я тебя как человека спрашиваю.

Наши тени, его — от окна, моя — от фонаря, не пересекались, а сходились головами на снегу, упираясь лбами, будто мы бодались, чья возьмёт.

— Яш. Мы знакомы — неделю. Я её использовал. Спас. Притащил сюда, выдернув из её мира.

— И?

— И да. Я её люблю. Это не комплекс спасателя, не Стокгольмский синдром...

Он перебил меня.

— Синдром же это от жертвы к преступнику?

— Да, я знаю. Я к слову. Просто чувствую, что...

— Не можешь без неё?

Я молчал. Прислушивался к себе. Понимал, что ничего нового не услышу.

— И это тоже. Но хочу, чтобы ей было хорошо.

— И обязываешь её своим признанием. — Он был удивительно точен, проворачивая нож в открытой ране.

— Не сказать я тоже не мог. — Я переопёрся на трость. — Ты же сам с Женей...

— Поэтому и спрашиваю. Но ты не бойся. Лучше сказать не вовремя, чем не сказать вообще. — Он хлопнул меня по плечу и повернулся ко входу. — Только не торопи её. Слышишь?

— Угу.

— Пойдём, филин.

Прощались мы недолго. Хотя переобнимались, перечеловались раза, наверное, по три. Проводили Толика к вернувшейся большой компании — его отсутствие было воспринято благожелательно и даже где-то с завистью: имеет родню, ужинает со взрослым наставником, занимает место в иерархии, сам принимает решения.

Я вспомнил, как он аккуратно паковал сапфировую статуэтку и думал, что сегодня вечером он произведёт фурор.

Мы с Мари-Хелен остановились посередине между двумя корпусами.

Задать вопрос или предложить что-то ни у кого язык не поворачивался. Я — боялся, что она решит, что во мне говорит алкоголь. Она... не знаю.

Но девушка сделала шаг в сторону моей конуры, и я не посмел возразить. А когда открыл было рот, она покачала головой, мудро заставляя помолчать. Хотя бы пока не придём.

Стул, чтобы переобуться, я благоразумно подтащил к двери ещё на выходе, поэтому мы смогли раздеться, не помогая друг другу и не ставя в неловкое положение. Пусть даже Мари-Хелен и бросила на меня короткий взгляд, думая, что я не вижу.

Мы посидели, выпили чаю. Тот, что успели заварить, пришлось, конечно, выплеснуть. На этот раз ухаживал я. Больше молчали. Какие-то слова казались неважными и даже лишними. Мне было тепло и уютно, потрясений и новостей не хотелось.

На ум пришли слова из песни Сукачёва:

Я умею по кухне бесцельно шататься в трусах

Или гладить кота, или просто уйти в гастроном

Я умею молчать и совсем ничего не сказать...

Мари-Хелен, скорее, почувствовала, чем услышала, как я напеваю песню под нос и заставляла спеть хотя бы этот припев. Мне на ушах оттоптался медведь, но не исполнить просьбу я не смог. Она сидела как загипнотизированная, а потом попросила перевести.

Получилось совсем не в рифму и даже без ритма, но ей, похоже, это и не было нужно.

— Ты пропустишь меня в душ?

— Разумеется.

Я убрал и сполоснул чашки, отодвинул чайник, забытый на краю. Собрал крошки от печенья и бросил в мусорное ведро. За тонкой стеной шумела вода. Не заметил, как задремал на стуле.

Стук в дверь заставил вынырнуть из полусна.

— Да-да?

— Ты можешь отвернуться?

— Уже, проходи.

За спиной под шлёпание босых ног почувствовал порыв воздуха от бегущего человека, а затем услышал, как она шуршит под одеялом.

— Всё нормально. — Я повернулся и увидел одну только голову на подушке, которую накрыли разметавшиеся волосы. — Твоя очередь. — Мари-Хелен искренне добродушно улыбалась.

Выходя из душа, я ожидал, что она заснула. Всё же я провозился довольно долго, в том числе сбривая щетину, успевшую осточертеть. Накинув поверх трусов банный халат, я аккуратно открыл дверь.

Девушка меня ждала, построив себе под спиной небольшую пирамидку. Мне подушки не нашлось, поэтому я устроился на одеяле и подполз поближе. Зверь проявился не сразу.

Руку к моей голове протянула она сама. Я старался не напугать её.

— Расскажи о самых длинных отношениях?

— Ты смеёшься?

— Нет, мне интересно. — Её пальцы пробежали по моим бровям, почёсывая их и снимая напряжение.

— Я был глупым и не понимал, что хочу. Она — слишком хорошо знала, чего хочет. Мы были как волна и волнолом. А потом всё кончилось.

— Это... связано с твоей травмой? — Пятёрня застыла в неоконченном движении.

— Нет, это было до. Наверное, это и послужило тому, что я полез тогда, очертя голову. С одной стороны — Тюрин с ловлей на живца, — я хмыкнул, когда почувствовал, как она вздрогнула, — с другой — враги, ищущие, как я вышел на крота, а с третьей — молодой идиот, считающий весь мир дерьмом. Совпало — всё.

— Тебе было очень... больно? — наверное, Мари-Хелен хотела спросить, успел ли я отключиться. Хотелось соврать и успокоить. Но незримый бич щёлкал над ухом.

— Да. Они были специалистами и хорошо чувствовали, где у меня порог. Ни разу не перешли. — Я почувствовал, как она убрала руку. Затем, похоже, поразмыслила и вернула обратно, поглаживая волосы.

— Давай не будем пока?

— Давай. Расскажи о своих отношениях?

— Ну, ты уже знаешь через мою бабушку, что они были. Да. Знаешь, что, по её мнению, он был недостойн меня. — Я усмехнулся. По мнению бабушки, он был из тех людей, которые не включают поворотники при перестроении. — И, наверное, понимаешь, что я любила его так, как нормальных людей не любят?

Мне было сложно понять, просит ли Мари-Хелен подтверждения или же наоборот, хочет, чтобы я возразил, уверив, что всё нормально. Спасло разведение приподнятых рук. Мол, как я тебя понимаю.

— Всё осложнялось тем моими искренними мыслями, что его нужно спасти. Мне тыкали носом, объясняли, мол, психопату не нужна любовь, что я дура, играющая в спасительницу. — Её голос немного изменился, но я не смел подняться. — В какой-то момент я получила искомое. Об меня публично вытерли ноги. И тогда я решила: никаких больше игр в Мать Терезу.

— Это правильно, — поддакнул я, но девушка меня почти не слышала.

Она чуть всхлипывала, но продолжала говорить, почти не меняя тона.

— Были ещё попытки, но я быстро понимала, что это игра в одни ворота. Я быстро нашла причину: мне хотелось принимать любое внимание за искренние чувства. А потом появился ты. Нет. Не ты — Алекс.

Пальцы вонзились в макушку, и, возможно, в другое время доставили бы удовольствие, но сейчас кожа была безумно напряжена, и стало просто больно. К счастью, она отпустила их так же быстро, как и сжала, и я понял, что Мари-Хелен просто не контролирует себя.

— Он был мужчиной из фильма про Бонда. Стильный, умный, раскованный, сильный. Он понравился Магде, и мало того, смог её победить на её же поле. Он был у меня. И со мной. — Она говорила, как будто исповедовалась, я хотел её обнять и не решился.

— А ещё он был где-то далеко. Но не витал в облаках, а копал глубоко под землёй. И убивал людей. Это было бы всё просто. Но он и спасал людей. Я видела большого волка рядом с ним, когда он отпустил меня в Форин-офис. А потом этот волк остановил машину. Я не знала, что делать — перед глазами три трупа. А за окном — толпа, которая не представляет, что могло случиться.

Её ладонь переползла на моё лицо, по сантиметру исследуя его, обходя по кругу и поперёк.

— А потом он пришёл за мной. Когда эти... это залезло в душу. Я не хотела. Не верила. И желала. А это наслаждалось моей беспомощностью. И он не убил это, а дал ему покой. А потом. Потом он оказался тобой. Ты понимаешь вообще, что... что ты наделал? Ты выдернул меня оттуда. Из дома. С работы. Из ада, в который сам поместил.

Она не убирала руку, хотя движения становились резче и жёстче.

— А потом ты привёз в Москву. И раскрыл мне её душу и сердце, положив рядом свои. Так нельзя, Алексей. Ты понимаешь? Это сводит с ума. Твой облик, когда ты стоял в кабине. Ты — не человек. А я? Я не боюсь тебя. Представляешь? Я знаю, что ты не сделаешь мне больно. Ты скорее сам себе душу вынешь. Или уже.

Мари-Хелен убрала руку.

— Скажи мне. Не так, как там, в мастерской. А мне. Только мне. Ты... ты смог бы сделать это ещё раз?

— Да. Мы слышали... чувствовали то отчаяние, которое клубилось в кристаллах. Его не должно быть. Ни в какой форме.

— А если бы я сказала «нет»?

— Ты бы не сказала. Прости. Но даже если... Я бы сделал снова.

Она повернулась на бок, опёрлась на руку.

— Честно?

— Честно. Alles.

— Спасибо.

Я набрался духу.

— А ты?

— Что?

— Кто я для тебя? Алекс? Алексей?

— А сколько в тебе-Алексее Алекса? И наоборот?

— Умеешь ты задать вопрос.

— Ты сам захотел.

— Знаешь, я не притворялся. Если отбросить легенду-бизнес, то я не делал ничего, что не сделал бы я. — Мне стало невыносимо смешно от этого раздвоения себя. — Я — это я. И другого — нет.

— А он? — Мари-Хелен дёрнула головой, указывая на Зверя, и волосы взметнулись из стороны в сторону.

Зверь поднялся, подошёл ко мне и исчез. Просто перестал быть виден. Даже глаз не осталось. И улыбки.

— Он — тоже я.

— Выключишь свет?

Когда я вернулся, Мари-Хелен меня ждала. И... под одеялом ничего не было. Только мы.

Глава 2. Январь 2018. Нижегородская область.

— Ты давно не спишь? — голос Мари-Хелен над ухом заставил меня практически подпрыгнуть в кровати.

— Не знаю. Не засекал времени. А что?

— Да нет, просто ты так дышал своеобразно. Как будто воздуха не хватало постоянно. Я наблюдала, но что-то не так.

— Смешно, но теперь я даже не знаю, о чём думал. — Мысли покинули голову почти сразу.

— Или не хочешь признаваться? — она повернулась ко мне.

Я потянулся погладить её. Девушка остановила руку, поймав своей ладонью в замок. Покачала головой.

— Не знаю. Я не специально. — Мы расцепили руки. Я понял намёк.

— Вот и не думай. Хотя бы немножко. — Она погладила меня по лицу.

— Я, ночью...

— Оставь всё там. Хорошо? — Мне было это внове, но я кивнул. — Закроешь глаза?

— Конечно. — Ощущение переваливающегося через меня тела. Лёгкий поцелуй, от продолжения которого она уклонилась. Звуки босых ног, шлёпающих по полу. Щелчок выключателя. Второго. Спасительный скрип двери в душевую комнату.

Я открыл глаза. Через несколько секунд проявился Зверь, который смотрел туда, где исчезла Мари-Хелен. Повернулся ко мне, улёгся рядом и беззвучно вздохнул. Синхронно со мной.

Я лежал, поглаживая его, и в кои-то веки действительно ни о чём не думал. Почему-то только сейчас смог оценить, насколько же это хорошо.

Мы дождались появления Мари-Хелен, вышедшей уже одетой.

— Я к себе. Встретимся на завтраке. Хорошо?

Сглотнув, я всё же смог ответить, не подпуская в голос лишних эмоций.

— Конечно. Через час?

Она нашла взглядом будильник, который был повёрнут к ней. Зачем-то распрямила пару пальцев из сжатой в кулак ладони и ответила:

— В девять часов. Сейчас половина восьмого.

Девушка обулась, надела куртку. Не запахиваясь, вышла в коридор, впусив немного холодного воздуха. Зверь спрыгнул с кровати, подбежал к двери и резко остановился, когда щёлкнул замок. Обернулся на меня и, чуть понутив голову, побрёл обратно.

Я поднялся. На столе призывно моргал светодиодом коммуникатор, но брать его в руки пока не хотелось. Сначала моцион.

Заварил чай, палец нажал кнопку включения. Почти механически ответил на мешок поздравлялок, стараясь не повторяться. Все были местные. «Москвичи» не прислали ни одной. Вроде бы и понятно — внутренняя сеть, а если по-человечески — тот же Сергей мог бы и предложить им использовать другую точку входа.

У Николая есть Маргарита...

Я задумался. Татьяне писать некому. Марина — с Родионом. Людмила? А что я знаю о ней? Да ничего.

Чай неприятно горчил.

Прикончив половину чашки в три обжигающих глотка, я посмотрел на часы. Всего восемь. Ещё есть время выплатить долг.

Быстро оделся, убедившись, что выгляжу прилично. Взял трость. Закрыв за собой дверь, произвольно посмотрев на смятую постель. Хмыкнул.

Двинул к административному блоку.

У дверей в изолятор всё было как обычно. Поздоровался со старшим лейтенантом, сидевшим за мониторами, и мы поздравили друг друга.

— Мои полномочия не изменились?

Старлей с некоторым подозрением посмотрел на меня.

— А должны были?

— Не знаю, я на всякий случай, чтобы эксцессов не было. Тем более, тогда я их себе чуть ли не самовольно назначил.

Охранник покликнул мышью, что-то почитал, шевеля губами.

— Никак нет, Алексей Николаевич. Всё в силе.

— Я зайду тогда? Присмотри, пожалуйста.

Щелчок электрозамка подтвердил мой запрос. Тяжёлая дверь открывалась будто нехотя. Запах изнутри был сильно несвежим, неприятно щекотал ноздри.

Наверное, пора было заканчивать, но как это сделать, когда люди сами не хотят выходить?

— Привет, майор. — Безэмоциональный голос Егора можно было бы счесть за синтезированный.

Заключённые не спали, сидели и лежали. Их можно было бы счесть пациентами психиатрической клиники, если бы не браслеты-негаторы. Они резко переписывали картину, принося более тяжелое восприятие.

Из всех заточённых здесь поднялся только он. Сделал шаг ко мне.

— Как оно? — даже в браслетах, будучи в контуре изолятора, он сохранял остатки интереса к жизни. Очень сильная воля.

И очень опасная.

— Плохо. — Не стал скрывать я. — Но, если тебе интересно, Людмила не просто освоилась, а спасла множество людей.

— У неё роль такая. Я даже не понимаю, зачем её вообще в команду по поимке твоего брата засунули.

— Я тоже. Но я не об этом. Тебе не надоело тут сидеть?

Он огляделся по сторонам, вернулся ко мне. У меня создалось впечатление, что он, несмотря на подавление силы, эмоции не утратил, только скрывает. Но иногда сквозь контроль что-то прорывается.

— Наверное, я должен сказать: «Надоело». Но мне сложно оперировать этими понятиями. — Егор поднял руки с блокираторами. — Мы тут, — он обвёл глазами комнату, — немного как бы стерилизованы.

Это был однозначный сарказм. И он явно рассчитывал на то, что я пойму. Сыграть в его игру? Или притвориться идиотом, дожидаясь следующего шага.

— Но ты же должен понимать, — я сделал лёгкий нажим, — это у вас не отняли. — Егор вздрогнул. Почти незаметно, но цепочка на браслетах звякнула. — Что маг с такими жизненными установками, как у тебя, становится даже не проблемой, а опасностью.

Он уставился на меня. Отошёл и сел на свой матрас.

— А это ваша проблема — её купировать и найти мне такое применение, чтобы я не был опасен.

Нельзя было не восхититься его умом.

— Когда идёт война — пусть даже она обывателю не всегда заметна — такие люди, как ты и я, не имеют права занимать разные стороны баррикад. Даже если у них не сходятся взгляды на институт власти. А построение культа силы имени себя? Идея привлекает своей «новизной». Но ты не думал, что будет, если магия исчезнет?

Он вздрогнул повторно. Я понял, что сейчас начнётся то, ради чего я открыл рот. Тот самый момент, который никто не любит себе представлять при постройке воздушных замков.

— Есть основания? — два коротких слова дали мне гораздо больше, чем Егор хотел бы. Его разум работал на полную катушку, и он однозначно не смирился с заточением.

Опасность мага нельзя было считать потенциальной.

— Оснований — нет. Но нет стройной теории. Даже у противника. Риск стать волшебником Изумрудного города — за гранью разумного планирования.

Я резко замолчал, с опаской посмотрел по сторонам, останавливаясь взглядом на углах, где обычно и размещались камеры.

Маг потянулся ко мне. Он с интересом смотрел на мою «осечку».

— Ты этого так боишься?

Я ещё раз покосился на дальний угол, повернулся от предполагаемой камеры и одними губами прошептал:

— Как ты думаешь, неуязвимый для магии, кем бы я был в государстве магов?

Затем снисходительно улыбнулся, развернулся и пошёл к выходу. Уже закрывая дверь, я ещё раз посмотрел на Егора, подмигнул ему и оставил его наедине с информацией к размышлению.

Щелчок замка подтвердил, что можно выдохнуть. Старший лейтенант протянул мне трубку стационарного телефона.

— Алексей, привет. — Маргарита. — Я с тебя чуть не упала. Штирлиц, блин.

— Привет, с праздником. Как он после моего визита?

— Ходит. Загадал ты ему загадку. Но, похоже, попал в точку. Ребята понаблюдают. — Она помолчала. — А насчёт исчезновения магии. Это реально? — Голос Звягинцевой звучал очень взволнованно.

— Не знаю. Я надавил на болевую точку. Но, сама понимаешь: easy come, easy go¹.

— Согласна. Ладно, пока, наверное. — Голос замер в ожидании.

Я понял, чего она ждёт, и, постарался успокоить, рассказав о Николае. На той стороне дыхание немного выровнялось.

— Он не прилетит?

— Думаю, к Рождеству уже будут здесь. Но потери... — Договаривать было не нужно. Маргарита не хуже меня понимала службу и обязанности.

— А если?..

— Вряд ли вы найдёте там время. Прости.

— Да, Лёш. Наверное, это слишком глупо...

Где-то фоном послышалось негромкое обращение, и она скомканно попрощалась со мной, повесив трубку. Я протянул свою, и старлей положил её на место. Он вернулся за мониторы, демонстрируя занятость.

Я кивнул и пошёл завтракать.

Мари-Хелен уже сидела рядом с Горячевым и что-то обсуждала, размахивая руками, как будто приехала не из Лондона, а из Палермо. Перед ними стояла нетронутая еда. Виталий Андреевич внимательно слушал, что-то записывая в маленький блокнот.

Мешать было неправильно. Я поискал взглядом свободные места, поймал уголком глаза движение. Леонид и Святослав неразлучной парой махали мне руками. Один — левой, второй — правой. Уронил поднос напротив них, плюхнулся сам.

— С Новым годом!

— И вас, ребят. — Я взял в руки вилку и кусочек хлеба. — Чёкак?

Парни погрустнели.

— Вы же знаете уже, да?

¹ Easy come, easy go — дословно: «легко пришло, легко ушло».

Я нарочито тщательно пережёвывал хлеб. Глотнул. Подцепил кусочек маринованного огурца. Кивнул и забросил в рот.

Они смотрели на меня, не понимая происходящего.

Я чуть наклонил голову.

— Скажите, кто-то из вас, — вилка по очереди указала на одного и второго, — смог бы изменить ситуацию?

Несколько секунд зависания и почти синхронный взмах головами.

— А кто смог бы?

Пацаны переглянулись и пожали плечами.

— Наверное, никто.

— Знай же, Никто мой любезный, — продекламировал я, набирая на вилку оливье. — Этот ваш Никто смог бы за вас големов пережечь? Наверняка.

— Да никто не смог бы. До ёдреной Матрёны их там было. — В глазах Лёни проснулась злость.

— Угу. А если бы... Ну, предположим, вы устроились.

— Да ну. Они и так прорывались. С десятков танков просто раздавили. Кто-то застрял, кто-то в вагон упёрся, выбирая позицию.

Я помолчал, давая парням возможность самим прийти к тем выводам, которыми мне вчера в нос тыкал Яков. Очень не хотелось быть для них откровением.

— Так ты хочешь сказать, что мы просто делали своё дело?

— Да, Слава. — Моя рука легла на стол ладонью вниз. — Вы выполняли работу. Не вы натаскали людей. Не вы их инициировали. Не вы их убивали.

Мою руку несмело накрыли две горячие ладони. Я прикрыл их второй рукой. По очереди посмотрел в глаза каждому.

— Но их можно было спасти?

— Только если бы мы размотали весь клубок заранее и нашли создателя всего этого блудняка.

— А если... ну... милосердно... — Слава уронил взгляд.

Я молчал. Пацаны встревоженно уставились на меня.

— А ты сам-то готов так пожалеть полторы тысячи человек?

— С-с-сколько?

Я беззвучно выругался.

— Нам военные сказали про сто пятьдесят, двести. — Леонид не знал, куда деть руки с мелко подрагивающими пальцами.

— Простите. Я не вовремя язык подложил.

— Нет, Лёш. Всё н-нормально. Н-не привыкли к в-вранью. Теп-перь понятней стало. Мы думали, если двести, то групп-па могла бы зайти... и... разделить отв-етственность.

— Нет, ребят. Ответственность — она всегда чья-то. Личная. И если вам будут предлагать её так размазать, посылайте инициатора.

— Скажем, ты разрешил. — Неуклюже улыбнулся Святослав.

— Приказал, — поправил я его.

Мари-Хелен подсела со своим подносом, когда парни ушли, неуклюже попрощавшись. Я ещё немного проследил за ними взглядами, поэтому появление девушки под боком прозевал.

— Ты чего не подсел?

— Да вы так оживлённо беседовали, я испугался, что зашибёшь. — Последнее слово едва успел договорить, а острый локоток уже ткнул под рёбра.

— Когда ещё я могу спокойно с кумиром переговорить, без драки за его внимание?

Я провёл кусочком хлеба по тарелке, подбирая майонез. Протянул ей, и Мари-Хелен взяла его одними губами.

— Чего смешного? — пережёвывая, спросила она.

— Ты прям как лошадка к яблоку через забор тянулась. — Я дурачился, и тяжесть последнего разговора уходила сама собой.

— А копытом ты от лошадок давно не получал?

Я поднял руки вверх и заявил, что сдаюсь. И вообще, готов даже песню про оную найти и поставить. Подношение было принято благосклонно, хлеб с остатками оливье — тоже.

— Смешной ты, Алексей. И я даже не знаю, какой ты мне больше нравишься. — Девушка спряталась за стаканом компота.

Вместо ответа я сосредоточился на жарком. Не дождавшись моих слов, Мари-Хелен зазвенела приборами и присоединилась к завтраку. Пару минут мы молчали.

— О чём вы с парнями говорили? Я видела, у вас не всё клеилось.

— Обсуждали боевую операцию. — Я вздохнул и добавил. — И её последствия.

— Всё плохо?

— Нас загоняют в угол. Вынуждают к выбору между плохим и очень плохим. А мы ищем путь, чтобы не выбирать.

— Нам на истории про Черчилля говорили. О его знаменитой фразе про выбор между позором и войной. — Она внимательно смотрела на меня. — Знаешь такую?

Я кивнул несколько раз. Очень хотелось её обнять, защитить, отгородить от мира.

Мари-Хелен махнула рукой, повернулась сильнее и раскрыла объятия.

— Какой ты всё-таки ещё мальчишка.

Доедали молча, тихо постукивая по тарелкам приборами, иногда касаясь друг друга локтями, украдкой бросая взгляды. Для меня это значило гораздо больше, чем если бы она повесила огромный плакат с банальными словами.

На нас поглядывали. Вера сидела с родителями и Михалычем за соседним столом и корчила нам рожицы. Мари-Хелен краснела, но не могла перестать играть в гляделки с девочкой.

— Ты... отпустишь меня? Там раненые. Лена и Тая хорошие маги, но нужны врачи. А у вас некомплект, да и Настя с Людой отсутствуют.

Я почему-то зацепился за имя Таисия и только через несколько секунд понял, что это девушка, спасённая нами в Краснодаре. Мари-Хелен в это время с тревогой ждала моего решения, перебирая руками.

— Даже не спрашивай.

— Даже если я не буду знать, чего хочу?

— Между жизнью людей и...

Она оборвала меня, обняв ещё раз. Русское «спасибо», которое прошептали её губы, было лучшим из того, что я слышал за утро.

— Где тебя искать?

— Попросишь, чтобы кто угодно позвонил мне. Я думаю, что не откажут.

На улице мы разошлись. Я двинулся к Карасёву в надежде найти какое-нибудь дело. Возвращаться в комнату совсем не хотелось.

Ярослав был у себя. На столе стояла непочатая бутылка и стакан. Гранёный, надёжный. С ободком. Подполковник, будучи трезвым, похоже, воевал сам с собой.

— О, а я уже думал Дёмина вызвать. Привет. Садись.

— И что, легче будет? — Я дёрнул подбородком.

— Не-а. Но хуже — однозначно.

Он потянулся вниз, к ящику. Шумно его выдвинул, так, что внутри зазвенело разное. Достал сначала ПМ, который положил на стол, около бутылки, затем ещё один стакан. Его подвинул ко мне.

— Не, Ярослав. Хреновый натюрморт получается. Не соответствует обстановке.

Осоловевший взгляд подполковника, который, похоже, не ложился, удерживал бутылку в фокусе. Но выглядело так, будто притронуться к ней он боялся.

— Открывай, Лёш. Обстановка — она внутри.

— Бросай ты это дурное дело. Не доводи до греха.

Он рассмеялся. Громко, раскатисто. Стёкла звенели в такт.

— До какого по счёту, а? Думаешь, мы не поняли, почему у тебя ноги по колено? Думаешь, когда голема вырубить стало можно, мы два и два не сложили? Ты ж, блин...

— Я. А тебе даже язык в задницу затянуло нормально приказ отдать. Сопли распустил. Стреляться вздумал. При девчонках. — Я бил словами, подыскивая уязвимое место. — Им оно нужно было — мозги твои смотреть? Офицер, мать твою. Подполковник хренов. Не тянешь — пошёл вон. У пацанов силы воли больше.

Я потянулся к пистолету, снял с предохранителя, дослал патрон. Он следил за каждым моим движением обречённым и в то же время жадным взглядом. Принял «макаров» из моих рук, погладил его.

Я взял бутылку, посмотрел на просвет, сорвал крышку и под возмущённое «э-эй» вылил в мусорное ведро, точнее, в пакет, который был в него вставлен.

— Ты что?..

— По трезвяку стреляйся.

— С-с-с...

— Договаривай, Ярослав. Не ты первый, не ты последний.

Он выщелкнул обойму, уронил её на стол. Затем извлёк патрон из ствола привычным движением, вернул предохранитель на место. Пистолет лёг мягко, почти бесшумно, заставляя глаза удерживать его в фокусе.

— Умеешь ты всё перегадить. Антон же рапорт не примет.

— Я попрошу.

Я развернулся и вышел из кабинета. Здесь делать было нечего.

Пустой коридор административного блока позволил мне остаться наедине с мыслями. Меня трясло. Я только сейчас понял, что поставил даже не на чёрное, а на zero. Почему я просто не забрал пистолет? Это было бы безопаснее, и вряд ли бы подполковник пошёл искать другое оружие. Мы с проявившимся Зверем смотрели друг на друга. Жёлтые глаза не мигали, давая мне возможность почувствовать отражение мыслей.

Наверное, надо было пожалеть Ярослава. Выслушать его, милосердно дать надежду, что всё будет нормально. Но желание помогать ему куда-то исчезло, оставив холодную злость. Возможно, потому, что в своё время пистолета не нашлось у меня.

Зверь помотал головой, стряхивая невидимый мусор, и я понял, что зашёл не туда.

Конечно, подполковнику нужна не жестокость, а психотерапевт, но как говорят у нас на Кубани: «Шо маемо, то маемо». А рапорт... Неожиданно для себя я понял, что не шутил. И решение для себя уже принял — даже одумайся Карасёв сейчас, кто знает, где пройдёт следующая трещина?

Дверь кабинета за спиной открылась с лёгким скрипом. Слегка неуверенные шаги проследовали в глубину корпуса. Я свернул в раздевалку, нацедил кофе из машины. На этот раз он снова был восхитительно отвратительным. Ровно то, что нужно.

Вот почему, как где какая гадость происходит, так меня магнитом тянет?

«А ты задай вопрос иначе: «Почему, куда тебя не принесёт — там гадость происходит?» — внутренний голос даже не смеялся надо мной. И я был ему за это благодарен.

Глава 3. Январь 2018. Нижегородская область.

На улице меня немного отпустило, несмотря на то, что ещё минуту назад день ощущался безнадёжно испорченным. Ничем заниматься не хотелось, но и лежать под бубнёж телевизора тоже казалось неправильным. Поразмыслив немного, я вернулся в тактичку, подхватил бумагу, пару ручек и уселся описывать происходившее в Кремле и окрестностях.

Изначально я намеревался просто последовательно указать события, а отдельным документом описать личное восприятие, но, как ни старался, сепарировать одно от другого не смог. Бесстрастный наблюдатель сваливался в эмоциональный ряд и из сухого рапорта вырастала беллетристика.

Книжки тебе писать, майор, для детей старших воинских чинов и сотрудников органов безопасности.

В конце концов я плюнул на бесплодные попытки и увлёкся процессом, не придавая значения тому, как это всё выглядит. Потребуют — перепишу.

Несмелый стук снаружи заставил меня поднять глаза.

— Да-да, войдите.

Хм, оказывается, если дверь в тактичку открывать очень медленно, то она скрипит хуже ржавой пилы. Я поморщился, но увидев заглядывающую в помещение Мари-Хелен, тут же оттаял, растянув губы в дурацкой улыбке.

— Вот это у тебя здесь бедлам.

Я посмотрел по сторонам и увидел подтверждение её словам. Стало стыдно от разбросанных тут и там смятых и разорванных кусков бумаги. Пришлось, понуриив голову, пожать плечами.

Мари-Хелен протянула руку, и невидимый мне из-за стола Зверь подошёл и принёс в зубах скомканный лист. Расправив его, она сунула бумагу в стоявший у двери измельчитель, и тот, утробно порывая, затянул будущее конфетти. Взвизгнув на мгновение, аппарат замолчал, а девушка сделала пару шагов и наклонилась за следующей бумажкой.

— Не надо. Я сам приберу. — Мне вдруг стало некуда себя деть.

Она покачала головой, скинула куртку и повесила на спинку стула.

— Мне не трудно. И... я догадываюсь, что ты пишешь, поэтому заканчивай и пойдём ужинать.

Я потянулся и погладил её ладонь. Мари-Хелен посмотрела на меня сверху вниз и улыбнулась.

— Кофе принести, кстати?

— Он тут отвратительный. — Она покосилась на пустой стаканчик в урне и промолчала.

Скормив измельчителю ещё несколько бумажек, девушка покосилась на меня и увидела, что я наблюдаю за ней, вместо того, чтобы закончить работу.

— Давай, Дефо, дописывай и пойдём.

— Почему Дефо? — удивился я. — Вроде не про Робинзона пишу.

— Именно. Он вообще-то и разведкой занимался. Я думала, ты знаешь, — она мило улыбалась, поймав меня на моём же поле.

— Я и забыл уже. Но я знал, честно! — Её улыбка сделалась ещё больше. Как у Чеширского.

А я понял, что не отпущу её и никому не отдам.

Прерываясь ещё несколько раз, чтобы посмотреть на Мари-Хелен и получить от неё ободряющую улыбку, я закончил документ и отложил ручку. На пальцах, вопреки ожиданиям, мозолей не было, но дискомфорт заставлял их постоянно потирать друг о друга.

Убрав чистые листы на место, я забрал свою исписанную стопку, попытался было скрутить трубочкой, но получил шлепок по рукам.

— Это же документы. Что ты делаешь? Отнеси домой, потом нужно будет — отдашь начальству.

— Да я что-то не подумал.

— Видишь, как хорошо, что я пришла. Хоть есть кому подумать из нас двоих.

Я обнял не сопротивлявшуюся Мари-Хелен и поцеловал её. Она ответила с большой охотой и, оторвавшись, заметила:

— Круто. В штабе я никогда ещё не... Почти как в ординаторской... — увидев мою реакцию, девушка расхохоталась и сквозь смех добавила, — хорошо, что здесь зеркала нет. Ты... такой... Отелло прямо!

Она снова прильнула ко мне и убедила в том, что сказанное — только шутка. Я не смог не поверить.

К себе, чтобы убрать отчёт — рапортом это творчество назвать было нельзя — я зашёл один. Мари-Хелен осталась у входа разговаривать с Сергеем Аларьевым, у которого оказался на удивление неплохой английский. Языковая спецшкола и разбитые надежды мамы-переводчицы, чей сын пошёл в военное училище.

Стул так и стоял у двери, поэтому мне не пришлось ни разуваться, ни топтаться, разнося снег и грязь.

Вернулся под завершающуюся сентенцию о том, что в Англии, в отличие от России, свободно говорящих по-русски собеседников днём с огнём не найдёшь.

— Кстати, а вы не думали начать русский учить?

— Не знаю, Сергей. Я читала, что это сложный для самостоятельного освоения язык.

— Всё так, но толковый учитель и погружение в среду помогут процессу. К нам в военные училища курсанты со всего света приезжают и уже через два года второй курс по-русски слушают и отвечают.

— Значит поступлю в военное училище, — мрачно-серьёзным тоном заметила Мари-Хелен, и мы взорвались смехом.

— С твоей целеустремлённостью ты полковника раньше меня получишь.

— Ну-у-у, — она задумчиво взяла меня за руку, — майора уже получила.

Сергей, глядя на меня, снова прыснул и быстро попрощался, оставляя нас наедине. Девушка рассмеялась, провожая удаляющуюся спину.

— Это значит: «Да»?

— Я подумаю, — невинно похлопала она ресницами, но затем не выдержала. — Алексей, ты такой наивный, как ребёнок.

Во мне загорелась маленькая звёздочка. Я обнял её, прижимая к себе со всей силы, несмотря на две зимние куртки.

— Пойдём в столовую, дуралей. А то мест не останется.

К счастью, больше ни с кем из близко знакомых не пересеклись, поэтому быстренько поклевали еду — Мари-Хелен ещё успела удивиться свежей порции оливье, которого я набрал побольше в отдельную тарелку — и вышли на улицу.

— Расскажи что-нибудь не про службу?

Я задумался. А потом слово за слово обрели жизнь старые школьные шутки, сценки из институтского прошлого, какие-то дружеские подковырки, которые пришлось объяснять через контекст. В ход шло всё.

В какой-то момент я понял, что меня несёт, горло настыло, а Мари-Хелен уже не может смеяться, закрыв ладонями половину лица, и только её глаза просят не останавливаться.

— Господи, Лёшка! Ты бы видел себя со стороны. Это... я не знаю, мне слов не хватает. Ты — сумасшедший. И я люблю тебя.

И пока я стоял, как ударенный пыльным мешком, она обняла меня и поцеловала.
Я не мог не ответить.

А вокруг нас прыгал Зверь, ставя лапы то на одного, то на другую. Наконец, у него получилось совместить, и мы разом потянулись потрепать мохнатые уши, а он выдал руладу, которую, похоже, слышала вся база.

И пусть. Мне скрывать нечего.

А следующий день Мари-Хелен решила оставить выходным. И я присоединился к ней. Мы выбрались в торговый центр, Маргарита только вздохнула и формально согласовала пропуск и разрешение взять служебную машину, потребовав только захватить с собой кого-нибудь ещё.

Я предложил Лёне и Славе, и парни с радостью согласились. Приехав на место, я предложил им выдать наличные, на что они показали карточки и с гордостью объявили, что деньги у них есть: и довольствие, и боевые, после чего шёпотом спросили, будет ли уместно подарить цветы той продащице в ювелирном, которая тогда задержала Родиона.

Я предложил сначала разведать, работает ли она там ещё и её ли смена, иначе будет несколько нелепо, но идею поддержал обеими руками. А когда они скрылись, по-мальчишески порывисто удрав от взрослых, рассказал всё Мари-Хелен.

Ей эта мысль тоже показалась здоровой, хотя она и поразилась, что парни подумали об этом только сейчас. Небольшая занудная лекция о службе и военном положении произвела своё впечатление, и, успокаивающе похлопав рукой мне по плечу, девушка согласилась с моей аргументацией. Но глаза её блеснули возражением.

По магазинам она ходила основательно, заглядывая чуть не в каждый из них. Я не знал, что она искала, пока в витрине Мари-Хелен не увидела свитер с оленями, запрыгав от счастья, как школьница.

— Я хочу купить его для тебя.

— Зачем? Где я буду носить его? Я же на службе.

— Ну-у, поедешь куда-нибудь под прикрытием, будешь носить. — Она показала мне язык. — И никакая Алиссия-Джейн на тебя не посмотрит.

На двух счастливо смеющихся военных выглянули посмотреть продащицы из магазина. Свитер мы купили. И два колючих шарфа, и варежки для Мари-Хелен.

Заметив, что я устал, она предложила зайти в какое-нибудь кафе, и почти сразу из нескольких выбрала то, где виднелись мягкие кресла, обтянутые зелёным велюром. Ради пафоса меню было двуязычным, хотя я и сомневался, что официанты смогут поддержать разговор.

— А этот майор пользуется популярностью, даром что хромой, — донеслись до меня слова молодого официанта, стоявшего у стойки.

Я вполголоса рассказал Мари-Хелен о том, что она из всех выбрала именно то кафе, где месяц назад мы обедали с Татьяной, будучи первый раз за полгода в увольнении. И дёрнул головой в сторону парня, который мне напомнил об этом.

Мне казалось, что это прозвучит как шутка, однако девушка потребовала от меня сказать, что именно выдал официант, и, когда я перевёл, поднялась, не обращая внимания на мои попытки удержать её, прошла к барной стойке и без замаха тыльной стороной ладони отвесила пощёчину.

Затем вернулась к столику и попросила у меня портмоне. Я протянул его, она открыла отделение для мелочи, высыпала медь и положила на столик.

— Чаевые.

Затем заставила меня подняться, на глазах у официантов поцеловала, подхватила пакеты и, дождавшись, пока я снова захромаю, повела к выходу.

Только когда мы ушли из видимости тех, кто мог продолжать смотреть за нами, она позволила себе остановиться, обмякнуть и прижаться ко мне, глядя в глаза.

— Почему люди такие злые?

— Не знаю. Но мы должны даже таких защищать. Без сортировки.

— Бабушка про это рассказывала. Без наших умолчаний. Не надо больше.

За спиной послышался быстрый стук каблуков. Запыхавшись, в подламывающихся туфлях, нас догнала женщина лет тридцати пяти в форменной блузе и чёрной юбке-карандаше.

Представившись Марией, — Мари-Хелен вздрогнула, — она попросила прощения за поведение официанта, заверив нас, что его рассчитают в течение суток, и пригласила вернуться на обед за счёт заведения.

Я сдержанно, по-английски поблагодарил за приглашение, но от предложения отказался, сказав, что вопрос оплаты не стоит. А извиняться за чужую вину — противоестественно. Мы кивком попрощались с администратором и пошли к эскалаторам, понимая, что уже собрали достаточно зевак, глазеющих из-за стёкол витрин. Мари-Хелен подстроила свою походку под мой шаг, взяв меня под локоть.

Не обернулась ни разу.

Пообедали мы на большой площадке, куда сходились витрины целой кучи заведений. И обычные бургерные, и русская кухня, и даже восточная почти экзотика. Моя спутница сказала, что дома никогда не рисковала попробовать ни плов, ни карри, но теперь готова к экспериментам.

Плов ей очень понравился, а верганы в меду, под ароматный кофе и вовсе привели в восторг.

— А почему у нас на базе так не готовят? — Я про себя отметил выбор местоимения, но промолчал. Мари-Хелен по-своему истолковала мой взгляд и тут же поправилась. — Ты не подумай, что невкусно, нет. Но, чуть больше разнообразия не помешало бы.

— Плов, справедливости ради, есть в меню, ты просто не попадала на него. А так — людей очень много. Вкусов ещё больше. Представляешь, под всех подстраиваться, продукты привозить, закупать всё.

— Да уж. А сколько у вас всего людей?

Я задумался и понял, что даже и не знаю. Но больше полутысячи — это точно. Ещё ведь аналитики и их семьи. Запросто могу и в полтора раза ошибиться.

Девушка покивала и задала вопрос, который меня выбил из колеи. Она предложила хотя бы для близких знакомых купить вкусностей и вернуться на базу не с пустыми руками. Такие совпадения, конечно, ходят парами, но каждое из них бьёт под дых не хуже, чем на ринге.

— Ты чего? — Мари-Хелен протянула руку, чтобы погладить меня по щеке.

— Знаешь, мы тогда с Татьяной не только в кафе были, но и в магазине покупали фрукты на всех. Ну, в рамках платежеспособности. И сейчас, когда ты предложила...

— Ты понял, что рядом с тобой душевные замечательные люди? — она медленно провела рукой по лицу и снова прислонила её.

— Да. Спасибо.

— Это тебя не сильно подкосит финансово?

— Не переживай. Пойдём к стойке, пока их не разобрали.

Верганов, конечно, было очень немного, но ради нас пообещали через пару часов сделать сколько получится. Оговорив время, я внёс задаток, и мы пошли на нижний этаж в супермаркеты.

Там практически повторилась ситуация месячной давности, за исключением того, что Мари-Хелен больше налегала на понравившуюся ей выпечку. Иногда приходилось её останавливать, чтобы не покупать откровенную ерунду, где из натурального была только упаковка.

У машины, к которой девушка подкатила тележку, уже стояли Леонид и Святослав. Увидев кучу покупок, они моментально сориентировались и предложили финансово поучаствовать, но я их остановил, чтобы в рыцарском порыве не слишком сильно размахивали шашкой.

— Вы лучше расскажите, как ваш набег на ювелирку прошёл?

Слава покосился на Мари-Хелен, вспомнил, что она русского не знает, и, глядя на Лёню, убирающего продукты в багажник, рассказал свою версию.

Девушка действительно продолжала работать в салоне, цветы приняла с достоинством, но оказалась замужем. А кольцо не носила — корпоративный запрет такой. Друг его расстроился, но оказалось, что у неё есть младшая сестра их лет, и она вполне не против познакомиться со спасителями старшей.

— Ну и как, познакомились?

— Угу. Лёнька номер и адрес получил, но своего-то нету.

— А ты?

— А я пока не спешу, — он отвернулся в ответ на мой внимательный взгляд. — Ну, правда, Лёш. Нам по пятнадцать только. И мы каждый раз в такую х... Прости, такую гадость ввязываемся, что кому-то ждать меня с задания — врагу не пожелаешь. — Слава скомкал окончание фразы, но я чувствовал, что даже если говорил с чужих слов, то свою душу вложил по-настоящему.

Я протянул ему руку, переложив трость.

— Респект, боец. Без шуток. Не у всех такой ответственности хватает.

— Это ты про себя, Лёш?.. Ой, я похоже...

— Похоже, — я засмеялся, хотя в горле и стоял комок.

Затем мне в голову пришла крамольная мысль.

— Скажи, дружище, а вы случаем сотовые телефоны себе не прикупили? Или модемы?

— Э-э-эм, а как ты догадался?

— Неважно. В общем, так. По возвращении на базу сдаёте аппаратуру Маргарите по описи. Договариваетесь об установленных сеансах связи в присутствии. И играете исключительно по правилам.

— Но... Лёш, как он сможет так, чтобы...

— А это нужно заранее думать. Вы сейчас горячие, как печка, и на любую глупость способны. А режим нужен не только над пубертатом поиздеваться. И не надо так смотреть. У меня другой уровень ответственности. И эта девушка сопротивлялась мозголомам достаточно, чтобы встать в их голове на моей стороне.

Он с уважением посмотрел на Мари-Хелен, осознавая происходящее не только как «любимчику дали послабление». Затем кивнул и сказал, что обязательно объяснит Леониду всю важность происходящего.

Я ещё раз протянул ему руку, и Слава твёрдо и уверенно пожал её.

В машине зашипела рация. Закрытая парковка очень сильно глушила сигнал, но и того, что пробилось сквозь стены, хватило, чтобы разобрать передачу.

Увольнительная сворачивалась, в Красноярске оперативники взбаламутили воду и получили знатный улов. Почти два десятка магов неизвестной силы и специализации, обслуживающих крупную банду, заточенную на незаконный трансграничный товарооборот и обеспечение безопасности для крупных финансово-промышленных групп.

Теперь становилось понятно, почему у нас почти никого не было из Сибири.

Времени оставалось всего ничего, и чтобы не привязываться к моей скорости, пацаны вызвались пойти с Мари-Хелен выкупить уже готовую выпечку. Я отдал карточку, сказал пинкод и попросил не ждать, пока сделают весь заказ.

Через десять минут посыльные вернулись. Девушка задорно хрустела верганом, и я попросил у неё хвостик, который она попыталась разобрать на половинки, но только раскро-

шила. Хорошо, на выезде мы остановились, пропуская машины по главной, и я, как лошадь, подобрал кусочки с ладони под задорный смех и крик: «Давай-давай!»

На въезде я обратил внимание на посадочную площадку, где уже стояли, понутив винты, два вертолѐта.

Оставив машину с открытым багажником около кухни, я отдал ключи парням и напомнил о телефонах. Они кивнули, хотя и без энтузиазма, а Мари-Хелен обняла меня и прошептала:

— Ты только зайди. Хоть на минуту.

— Обязательно. — Я прижался к её щеке, и, не оборачиваясь, пошёл в штабной блок.

Глава 4. Январь 2018. Нижегородская область.

— Быстро вы обернулись, — вместо приветствия заметила Маргарита.

Кроме неё в тактичке были капитан Штолле, майор Дёмин, Марат и парень из аналитического отдела, представившийся Александром, заместителем начальника.

Звягинцева сократила вводную часть и бухнула на стол всё, что есть. Было немного, но и этого хватало, чтобы взяться за голову.

Двадцать два однозначных мага. Срок работы на банду — около полугода. Сама группировка представляет собой разросшийся ЧОП, принадлежащий крупному конгломерату, ассоциированному со структурами, близкими к Куратору.

Разработка группировки шла уже больше трёх месяцев, но тормозилась по «понятным» причинам. Менялись следователи, прокурорские, размывался фокус внимания спецслужб. Новый нарыв вызрел в старом пространстве смыслов.

Вслух говорить хотелось только матом, но я понял, что в этом кабинете им никого не удивить.

— Ладно. Вводная замечательная. Теперь давайте к плохим новостям.

Александр вынул из папки бумаги, разложил листы в нужном ему порядке. Махнул рукой, подзывая к себе. Текст в углах привлекал внимание, но главным блюдом стала организационная диаграмма «предприятия». И больше всего из неё меня тревожили два боевых крыла, которые явно должны были опекать магическое подразделение.

Информации по ним не было никакой. Ни состава, ни вооружения. Только гадания на кофейной гуще, но пояснительная записка намекала, что в экстренных ситуациях группировка может задействовать в том числе пару отрядов быстрого реагирования местного базирования. Кто куда пророс — понимания нет. В принципе.

— М-да. То есть мы будем выступать против тех, кто там власть?

— Угу, лучшие люди города, — процитировал Александр и выложил ряд фотографий. Лица на них были знакомы как владельцы.

Неважно чего. Всего.

— И какую цель нам ставят отцы-командиры? — Ян задал мой вопрос, но сейчас я был ему благодарен.

— На наше усмотрение, — зло буркнула Звягинцева.

— Чёзахрень? — одним словом вырвалось у меня, но мне было плевать, даже если запись отдадут президенту.

— Я спросила то же самое. Ответ цитирую дословно: «Чем больше планирования мы осуществляем, тем сильнее результат отличается от изначального». Точка. Абзац.

Я попытался пройти по кабинету, чтобы успокоиться, но столкнулся с Яном. Капитан отодвигал себе стул, и мы не увидели друг друга.

— То есть мы можем прилететь, вызвать вертолёт, раздолбать офис вот этого золотого человека в центре Красноярска, и полететь обратно, вызвав санитарные службы?

— Ну не так, чтобы совсем, но почти.

Дёмин сидел, обхватив голову руками. Он оторвался от созерцания исчерканных листов и злобно выпалил:

— То есть государство было готово размесить базу с семьёй бунтовщиками, но не хочет принять такие же меры против двух десятков, которые поставили себя вне закона?

— Коротко, да. — Александр поправил очки. — Наличие причин озвучено, сами они — нет.

— Ладно. Тогда такой вопрос: Какие ресурсы мы можем запросить в ходе операции?

Маргарита шлёпнула меня по пальцам, которые тарабанили по крышке стола.

— Любые. Кроме тяжёлой техники в городе.

— Я буду вынужден требовать визу Совбеза.

— Она есть. Передали по факсу.

Александр положил на стол ещё один тонкий сворачивающийся лист.

— У секретчиков можно прослушать дословную запись приказа в шифр-пакете. Ключи: ваш, товарищ майор, майора Звягинцевой и майора Дёмина. Подполковник Карасёв — отстранён.

— Да, Лёш. Он самый, — постучала меня по плечу Маргарита. Мне пришлось закрыть рот.

Я постоял, помолчал и в какой-то момент понял, что это бессмысленно. Само не рассосётся. И никто другой знамя не подхватит.

— Ян, Гена, идёте переинвентаризируемся.

— Ты что-то придумал? — голос Звягинцевой выражал надежду.

— Нет. Но я должен понимать, что у нас на руках. А вы с Маратом соберите, пожалуйста, магов. Всех.

Маг успел кивнуть чуть раньше майора. Ему, похоже, тоже было в тягость бездействие.

— Александр, поднимите аналитиков, которые имеют отношение к тактическому планированию, остальных, пожалуйста, привлечите к разбору, какие силы и средства доступны в Красноярске и окрестностях. Любые детали. Учитывайте все возможные и наличные ресурсы.

— Совсем «все»? — аналитик стоял над столом, не поднимая головы от бумаг.

— Да, Саша. Совсем-совсем. Я проверю.

Выходящая из кабинета Маргарита обернулась.

— Он может. Учитывай.

В хранилище царил полумрак и тишина. Дежурный, услышав, за чем мы пришли, подскочил и повёл нас по рядам с закреплённой бронёй. Под каждой висела бирка с именем и фамилией, а на обратной стороне был приколот лист с отметками об обслуживании и текущем статусе.

Тринадцать полностью пригодных к эксплуатации комплектов лат. Ещё десятку не хватало каких-то мелочей: подшаманить электронику, подтянуть элементы крепежа и откалибровать сервоприводы. Восемь единиц с битыми руками и ногами.

Моего комплекта не было: даже экзоскелеты утащили на ремонт и ремоделирование движений.

В мастерских, благодаря Дёмину, уже собрались инженеры и отчаянно спорили о том, в каком порядке восстанавливать оснастку. Ян выругался и потребовал начинать работу с того, что можно вернуть в строй максимально быстро. Плюс канибализация техники, если придётся ею заняться, не должна приводить к размену один к одному.

Кто-то пробурчал, что такой формат — это для кружка «Очумелые ручки», но свои же быстро утихомирили бунтовщика.

Майор попытался было жёстко поставить вопрос по срокам, но старший из мастеров махнул рукой.

— Нешто мы понимания не имеем. Мужики, ну побойтесь Бога. У меня самого старший с вами ходит... Сделаем, что можем. И...

— Спасибо. Я отвлекать не буду, но, пожалуйста, передавайте статус каждые четыре часа. Пофамильно.

— Хорошо, майор.

— Мы в оружейку. Будет надо что — звоните.

Мы пришли в разгар работ: бойцы, невзирая на праздник, уже занимались оружием. Два капитана руководили процессом, выдавая стволы и боеприпасы. Мы поздоровались, Ян, пользуясь случаем, взял свой автомат и принялся проверять его узлы.

— Что у нас?

— У нас всё неплохо, но я так понимаю, что панцирей на всех не хватит, и «четырнадцатые»¹² выдавать будем под счёт?

— Да, капитан. Поэтому «двенадцатые»²³ тоже приведите в порядок, подготовьте боекомплекты. И, наверное, нужны будут «пункты питания», где можно будет разово получить свежий обвес.

— Займёмся. Ещё что-то?

— Добавьте в комплекты светосумовые и дымовые гранаты. Двойной наряд.

Капитан задумался и затем понимающе улыбнулся.

— Живьём брать будем?

— Как получится. Может, зевак отгонять.

— Товарищ майор, так может гранатомёты на каждую группу возьмём?

Дёмин закатил глаза.

— И гаубицу.

— Нет, я не про противотанковые. Сейчас покажу. — Он быстрым шагом прошёл в хранилище и через минуту принёс образец. — «Арбалет» называется. Отдача минимальная, гранаты жрёт от «Пламени»³⁴.

— Тяжёлый он у тебя. Пуд, небось весит?

— Не. Десять килограмм, ну и гранаты: три кило — десяток. С сошек — милое дело стрелять.

Мы с Дёминым переглянулись. В текущей ситуации любая огневая мощь — в кассу.

— А у нас спецы-то есть по этому делу? — мне нравилась идея, но без исполнителей она мертва.

— Двоих я знаю лично, Алексей Николаевич, а ещё одного я, как закончим, проверю. В личном деле пометку видел.

— Хорошо, тогда на вас ответственность. Но если только двое — третьего пристяжным не надо.

Капитан хохотнул.

— А то как же. Лучше меньше, да лучше! Я гранаты по коробам разделю, чтобы было понятно, кому какие подарки раздавать.

— Добрый Дедушка Мороз, — усмехнулся Дёмин.

Вышли, пусть и в приподнятом относительно мастерских настроении. Но всё же инвентаризация заставляла задуматься. Выстраивать операцию, рассчитывая на армию или полицию, виделось неправильным. Что в них своего, а что — чужого? И не обратятся ли союзники против нас, как неделю назад в Кремле.

А главный вопрос: «Не ждут ли нас там?»

Гена дружески толкнул в бок.

— О чём задумалась, детина?

— Майор приветливо спросил, — вернул я цитату. — Голова нудит: что, кого, куда и как.

— Лёш. Хочешь, я тебе одну умную вещь скажу? Только ты не обижайся. — Он зашёл вперёд меня и мелко посеменял задом наперёд. — Ты не пытайся за всех думать. Собери информацию, разбросай по людям, дай им делать то, за что довольствие получают. А потом сложи, что они напишут, почитай внимательно, — казалось, Геннадию доставляет удоволь-

² Четырнадцатый — АШ-14 (Автомат Штурмовой, калибра 14.5мм), футуристический автомат, разработанный на базе АШ-12 (Автомат Штурмовой, калибра 12.7мм). Тяжёлое оружие, предназначенное для использования исключительно с комплектом лат. В противном случае ломает кисть.

³ Двенадцатый — АШ-12. Реально существующее тяжёлое штурмовое оружие, предназначено для пробивания бронезилов, штурмовых щитов и самодельных заграждений.

⁴ Пламя — Автоматический гранатомёт станковый. Использует гранаты ВОГ-30, ВОГ-17.

ствие рассказывать то, от чего он сам отказался, решив не идти в Академию, — послушай доклад с картинками, поспорь, поругайся, пройди по второму кругу, а надо — и по третьему. И только потом начинай.

— Максимальное делегирование?

— Не совсем. Дай людям заниматься делом. Не выхватывай хлеб изо рта. — Он смотрел на меня как на неразумного. — Ты — офигенный спец, Лёш. Ты быстро думаешь, находишь решения, реагируешь на события. Но ты — один. Не два, не три.

Я молчал, только стук трости, звучавшей синхронно с шагами майора, создавал какую-то своеобразную композицию, отдающую в уши. Слова Дёмина были правильными, но что-то на переднем крае обороны сознания не пускало их в душу.

Мне хотелось...

— Ты не вместишь всех людей в себя. Я слушал про ваш номос, но боюсь, что если вы не научитесь им управлять, то по мере роста начнёте друг друга поглощать. Или нас.

Гена нашёл то подкалиберное слово, что пробило броню. Трость выпала из дрогнувшей руки и покатила по заиндевелой дорожке.

Догонять её не пришлось, подобрал через пару шагов. Кивнул виновато скривившемуся майору. К ангару подошли молча.

— Всё нормально?

— Да, не грузи себя. Просто ты мысль подал. Ну очень уж светлую и яркую. На половину мегатонны.

Он рассмеялся и хлопнул по спине.

Внутри толпился народ, и я даже не понял, куда попал. Шум, гомон, дети, подростки. Немногочисленные взрослые, казалось, не обращают внимания на царящий бедлам. До меня только сейчас дошло, что, читая личные дела каждого нового мага, я так и не удосужился сложить их всех в единое целое.

Взрослых боевых магов за вычетом меня и Кирилла, лежащего в палате, было втрое меньше, чем молодёжи. Муж Таисии, спасённый в Краснодаре, ещё двое, вышедших из карцера, трое, которых привёл лже-Иван; один из тех, кто, находясь на условно-досрочном освобождении, принял после Армавира решение служить.

Семь человек и Лёня со Славой, которых я планировал взять для прикрытия штурмовой группы. И... всё. Остальным было двенадцать-четырнадцать лет, а братьям Марины и вовсе одиннадцать. Даша тянулась ко мне взглядом, хотя я уже и без того понимал, что не смогу не взять её с собой.

Ещё я видел отдельно стоящих Диму и Аню, которых опекала Татьяна, но их потенциал оставался для меня загадкой, и тащить в бой мы права не имели.

Маргарита, стоявшая тут же, понимала расклад не хуже меня и только вздохнула, когда я закончил подсчёты.

— Ты думаешь о том же, что и я?

— Угу. Придётся договариваться, Лёш.

— Думаешь, получится? — Лично у меня уверенности не было.

— Не знаю. Хочешь, я с тобой пойду?

— Нет, это будет точно выглядеть слабостью. Пока есть шанс прийти поговорить на равных, а если мы окажемся в положении просящих...

Звягинцева порывисто, будто опасалась передумать, схватила меня и обняла. Секунд пятнадцать держала, затем резко отстранилась и отступила на шаг. Взглянула в глаза.

— Какие вы всё-таки с братом одинаковые. Иди, пока я не передумала.

Я и пошёл.

С новым полицейским на посту охраны мы перекинулись буквально парой слов. «Здравия желаю» да «Прошу поставить подпись». В отличие от своих коллег он, похоже, был бук-

валистом. Но недостаток общения компенсировал Егор, который, едва я переступил порог, буркнул:

— Зачастил ты, майор.

— И тебе не хворать. А я вам мандаринов принёс. А то Новый год на дворе, а у вас мандаринов нет.

Маг опешил. Он ждал чего угодно, но не кулька с яркими, пахнущими с мороза фруктами. Я нутром чуял, что он хотел сказать какую-то колкость, но она ему не давалась, и нужно пользоваться этой заминкой.

— Ты говорил, что не против, чтобы вам применение нашли.

— Допустим. — Мандарин он всё же взял, и сейчас чистил его, демонстративно медленно снимая кожуру.

Остальные трое магов по очереди подошли к пакету и взяли кто один, кто два, удалившись на свои места. Это удерживало внимание, и на случай несогласия «босса этой качалки» имело смысл поработать с ними отдельно, но пока я не хотел подрывать авторитет Егора.

— А если я всё же предложу тебе посмотреть на то, что бывает с теми, кто считает себя «Царём горы»?

— С какой стороны прицела? — почти не взяв времени на раздумья, выпалил он.

— От приклада.

— Только мне или и им тоже?

— Всем вам.

— А потом мы опять сюда? — он остановился, поднял тонкую длинную спираль кожицы на уровень глаз и положил рядом с собой. Разломил мандарин и протянул мне половинку.

Я взял, и по его глазам понял, что это была проверка. Вижу ли я в них людей? Быть может.

— Всё будет зависеть исключительно от вас. Но возможен вариант и под землю.

— Будет заградотряд? — Егор пристально смотрел на меня.

— Нет. Будет ошейник. Но и будет магическое превосходство противника.

— Каким составом играть будете?

— Можешь считать — половинным. — Я оторвал дольку и медленно пережевывал. Вкус был такой, как я люблю: в меру сладкий, не приторный.

— Серьёзная заявка. А ты не боишься, что вот так вот повернёмся и...

— Знаешь, придумай что-нибудь новое.

— Вам били в спину? — заинтересовался маг.

— В лицо, но лучше от этого не стало.

Он тоже жевал мандарин, отщипывая по дольке, как и я.

— Ты считаешь, что это достаточная причина, чтобы покинуть столь гостеприимное место?

— Понимаешь, Егор, в чём собака порылась. Формально у меня есть карт-бланш на операцию. Технически же я вижу десяток магов против двух футбольных команд. И я очень не хочу превращать аккуратную операцию в тотальную зачистку.

— Ты предлагаешь сделку?

— Я уже провёл сделку, когда вытащил вас из сознания агонизирующего брата, — этого ответа он не ожидал, замер с полуоткрытым ртом так, что потекла тонкая струйка сока. — И сейчас я не собираюсь торговаться. Либо вы соглашаетесь помочь, и мы получаем шанс вытащить людей из той фигни, куда они влезли, либо мы проводим карательную операцию. — Егор вытер рукавом подбородок и икнул. — Потому что своих я на чужих менять не буду.

— Скотина ты, майор. Но если бы ты сказал по-другому, я бы тебя послал. Куда крестик ставить?

Я молчал. Он смотрел на меня и начал ёрзать. Сначала будто проверяя удобство. Потом чуть сильнее. Наконец, мне показалось, что маг дозрел.

— Ты уверен, Егор?

— Нет.

— Если бы ты сказал по-другому, я бы тебя послал. Пойдём.

— Вот же гад.

— Это последний раз. Дальше «Так точно, товарищ майор», «Никак нет, товарищ майор», «Разрешите доложить, товарищ майор». — Он мгновенно посерьёзнел и кивнул уже без бравады.

— Все слышали? — Он повернулся к своим сокамерникам, подождал, пока они поднимутся с мест. — Идёмте. — И следом уткнулся взглядом в меня. — Разрешите обратиться, товарищ майор?

— Обращайтесь.

— А то, что вы про возможное исчезновение магии упоминали...

— Пока гипотеза. — Маг облегчённо вздохнул. — Не лишённая оснований. — Его плечи заметно вздрогнули.

Вошла Звягинцева, внесла пакеты с одеждой и обувью, а потом вручила мне два ключа с номерками на брелоках. Я улыбнулся одними глазами: «Ты прямо подготовилась заранее». Она ответила: «А чего в тебе сомневаться?»

Или всё было совсем не так.

Ключи я забрал с собой, одежду оставил, предложив переодеться.

— Дверь не закрываю. Зовите.

Маргарита шёпотом, указывая на ключи, дала понять, что отдельных кают они пока не заработали. Эти же являются «гостевыми» и в них есть соответствующая аппаратура, как и в комнатах вышедших ранее магов. Я кивнул — «работа такая», но на душе скребли кошки. Закапывали, наверное.

— Лёш. Ты прекрати это, а? — Майор считала моё состояние. — Ты же не на убой их тащишь. И ничего из того, что сам не сделал бы...

— Знаю. Но тебе самой не бывает...

— Противно? Ты это хотел сказать? — Она вдруг ожесточилась, а лицо стало похоже на мордочку ласки. — Тебе хочется быть единственным, кому не пофиг? Не устал ещё крест за всех нести? Ты сейчас ещё больше на брата стал похож. Как кот-интеллигент. Нагадил под диваном и переживаешь ходишь. Хватит уже, Лёша. Хватит. Начни думать, а не эмоции распускать. — Маргарита перевела дух и закончила. — А то не повзрослеешь.

Глава 5. Январь 2018. Нижегородская область.

К Мари-Хелен вечером я пришёл, как обещал, хотя и очень поздно. Она была у себя, и, наверное, это было правильным решением. После её шагов навстречу должен был сделать свои и я. По негласной договорённости службу оставили за порогом.

Информацией о размещении противника в месте дислокации группировки мы не обладали. И гарантировать, что при детализации запросов на них не обратят внимания, никто не мог. Всё, что имелось, — спутниковые снимки, карты застройки и панорама одной из улиц.

Дёмин ещё пошутил про полёты по пачке «Беломора». Жаль, что получилось не смешно.

Очень большая территория, пусть и не в центре города, но и совсем не на окраине. Размещённые почти симметрично два длинных трёхэтажных здания, зарегистрированы как офисы, внутренняя планировка вроде бы соответствует. А вот недавно зарегистрированная пятиэтажка с зеркальной облицовкой осталась для нас загадкой. Планов и чертежей мы не нашли. Ещё несколько бытовок, полускладов и совсем уж непонятного назначения коробок лепились к большим корпусам и могли быть чем угодно.

Вторая большая проблема вытекала из первой. Не зная ничего о творящемся внутри, единственным выходом мы видели подавляющую огневую и магическую мощь для деморализации врага и принуждения к сдаче уже на первых минутах боя. Но в то же время скрытно подвести такую группировку без содействия первых лиц города и края было невозможно. От самого аэропорта нас будут вести как по красной дорожке и, учитывая взаимопроникновение — Александр буркнул тогда о смычке города с деревней, — сдадут, не дожидаясь запроса.

Маргарита предложила вариант с троянским конём. В ворохе документов она нашла одного из относительно независимых игроков, на которого точили зубы наши «контрагенты». Депутат законодательного собрания края, владеющий этим бизнесом, давно стоял костью в горле губернатора и вряд ли бы смог переизбраться на следующий срок. Но до этого успел бы попить крови. Поэтому, если мы прибудем «по его душу», то нам и автобусы выделяют, и на всё остальное посмотрят сквозь пальцы, и выдохнут свободно.

А нейтрализовать водителей и немного уйти с маршрута — труда составить не должно.

Решили не мудрствовать лукаво, забросить нескольких аналитиков под видом следователей, чтобы обеспечить прилёт и встречу, а также изображать «взаимодействие» в высоких кабинетах. Что особенно порадовало, у независимого депутата были свои «владения» недалеко от предполагаемого ТВД.⁵

Парни отправились гражданским рейсом в эту же ночь, едва получив согласие из Москвы, а мы ожидали сигнала, чем я и воспользовался, чтобы сбежать к Мари-Хелен. Без экзоскелета я был бесполезен как боевая единица, а перекалиброванный образец обещали отдать уже после Рождества, о чём я ей и сказал.

— Ты не будешь лично никого убивать в этот раз?

— Я очень на это надеюсь.

— Но ты будешь отдавать приказы?

— Только общее руководство. Командиры на местах знают, что делать.

— А если?..

Я приложил ей палец к губам.

— Никаких «если». Дай нам хоть раз сделать всё по правилам.

Она шмыгнула носом и часто закивала. Затем вцепилась в меня и закачалась из стороны в сторону.

— Возвращайся. Возвращайся таким, как ты есть.

⁵ ТВД — театр военных действий.

Утро не задалось. Сначала я опрокинул кружку с чаем, благо с той стороны, куда она улетела, никого не оказалось. Затем, распаковывая зубную щётку в ванной комнате, я сломал ручку, и Мари-Хелен потребовала, чтобы я за голову сегодня не хватался.

В столовой я собирал на себя крошки омлета и дважды уронил вилку, каждый раз привлекая внимание целой кучи людей. Девушка поняла это всё по-своему и, положив мне голову на плечо, попросила не мандражировать, потому что иначе я в людей уверенность не вселю.

Однако она была не совсем права. Бойцы и маги ободряюще улыбались, беззлобно шутили и, проходя мимо, подмигивали как мне, так и ей. Мари-Хелен наконец поняла, о чём они, и залилась краской.

Толкнув меня в бок, она заявила, что мы — мужланы и ещё пожалеет об этом.

В штабе нас было четверо. Ян с бойцами и магами выполняли боевое слаживание, разбирали позывные, сверяли навыки, бились на четвёрки. Вчера Егор подбросил интересную идею объединения защитных контуров, которая позволила не держать всех рядом, как это происходило с пацанами, а менять траектории, переходя из-под одного купола в другой. Сейчас они должны были уже отрабатывать схему.

Маргарита продемонстрировала доклад, который «засланцы» уже прислали с места. Как и ожидалось, внимание к ним было пристальным, но интерес чуть подугас, когда стало понятно, зачем они приехали. Впрочем, осторожные попытки прощупать, чем же фигурант настолько насолил центру, продолжались и сейчас, хотя и крайне аккуратно.

Возможно, хотят понять, что останется после ухода «варягов», и кому это всё перейдёт в наследство. Александр предложил дать понять, что центру нужны связи, документы и люди, и забросить удочку, насчёт того, что если мешать никто не будет, то сам Никто сможет зайти для «дележа трофеев» первым. Но только в случае обеспечения режима тишины, радиомолчания и отсутствия засвета операции из-за неумного желания помочь.

— «Ж — значит жадность», — рассмеялся Дёмин.

— А заодно понаблюдать, кто кому будет задачи нарезать в этой области. — Маргарита хищно улыбнулась. — И тогда совсем другие люди приедут.

— Хорошо. — Александр сделал пометки в блокноте. — Сделаем. А что по технике, обеспечению?

— Здесь вроде бы и всё в порядке, но чует моя душенька — будут нас вести. Невзирая на...

— Да я бы тоже, хоть чучелком, хоть тушкой, но подсадных бы воткнул. Гаишный конвой, филеров или просто наблюдателей в каждую единицу техники.

— Есть предложения? Избавление от «хвоста» само по себе станет сигналом.

Геннадий улыбнулся и включил проектор.

— Смотрите. Перед вами карта города. Аэропорт, — он подсветил зелёным. — Наша цель. — Красная трапеция. — И ложный объект. — Жёлтая рамка загорелась рядом. — Самое паршивое в том, что если мы повернём вот здесь, — указка ткнула в точку, которая быстро приблизилась, — то возникнут вопросы. Это как-никак магистраль. Но если всё же получится, то через эту промзону только одна дорога.

— Майор, не томи.

— А что томить. Идём на местный форум каких-нибудь отбитых любителей некро-японки и договариваемся о ДТП из пяти-шести таких вот ведёр. Что продать некому, а списать — жалко. Перекрыть четыре полосы — плёвое дело. Бюджет на всё про всё — чуть больше миллиона.

— Ты что, уже сходил?

— Угу. Есть там желающие устроить гаишникам «ночь любви», в нужное время скрутят. А потом вот здесь и вот здесь, — он переместил карту чуть в сторону, — мы отстаём от первых

двух автобусов. Как? Придумаем. И в нужный момент просто начнём операцию, одномоментно обезвредив сопровождение.

— Всё классно, но если магистраль не перекроют?

— У Яна там племянник жены живёт. И он как раз один из этих некромантов. У них у каждого по два-три корыта, которые из рук в руки переходят. Скрутят в лучшем виде.

Маргарита стояла, опёршись на стол. Непроницаемое лицо не выдавало отношения к аванюре, только желваки нет-нет, да и проступали.

— А что. Я согласна. Нагло, бесшабашно и непредсказуемо.

— Я тоже согласен. — Мне нравилось в первую очередь то, что идея была не моей. И Гена с Яном сами разметили эту часть операции.

Александр согласился последним, проглотив лёгкую обиду, что его обошли в этом вопросе.

— Единогласно.

Половина дня прошла в разного рода мероприятиях, одно из которых подсветило наш жёсткий просчёт. Как ни странно, обозначил его Егор, спросивший, насколько вообще сейчас модно щеголять в нашей тяжёлой броне.

Пришлось поручить Александру и Маргарите придумать правдоподобную легенду, которая должна была объяснить появление тяжелобронированных военных, да ещё и в таком количестве. Особенно учитывая, что в «своём» городе расклад сил противник знает очень хорошо.

Чтобы не плодить сущностей сверх меры, решили дать возможность найти в папках командированных «поступившую с мест» информацию о «найме» фигурантом нескольких замазанных в криминале магов в Китае. Состряпали пару писем от китайских товарищей и ещё пару — с частично скрытыми электронными адресами, по доменам которых угадывались аффилированные с ФПП организации.

По мнению аналитиков, это должно дать нам немного времени. «Оставить» документы «кроты» должны были за час-полтора до прилёта.

Звягинцева, Александр и я отправились военным бортом, чтобы прибыть к утру по местному времени и взять на себя координацию операции. К вечеру четвёртого января всё должно было завертеться. Мы летели не одни: аналитики, связисты, Лена с Таисией и пара медсестёр.

Мари-Хелен оставалась дома. И сама не хотела, и присутствие иностранки в штабе при проведении боевой операции — нонсенс.

С Дашей успели поговорить буквально мельком. Она сама пришла и потребовала от меня сказать Лене и Кириллу, чтобы не вздумали задерживать её здесь. А я... я не нашёл слов, чтобы отговорить девочку. За это всю дорогу в Красноярск на меня косились и фыркали.

Долетели без проблем, сели спокойно. В гостинице выкупленный конференц-зал оборудовали привезённой техникой. Перед началом операции связался с местными, поблагодарил за содействие и попросил прислать моих помощников при первой оказии, но сильно не спешить, мол, всё понимаю.

На той стороне трубки замялись, немного попререкались насчёт моих полномочий, но признали и согласились, пообещав прислать координатора, которого я обязался встретить и разместить.

Обезвредить его всяко успею, а операция не должна затянуться настолько, чтобы его присутствие переросло в проблему.

Лена и Тая поехали в больницу, которая располагалась в том же районе, где будет проводиться операция. В случае ранений они, знакомые со спецификой, смогут стабилизировать ребят. Перед отъездом у нас состоялся очень неприятный разговор, в котором я потребовал не вмешиваться в работу обычных врачей и не пытаться помочь всем посторонним.

На меня надели с обеих сторон, давили и совестью, и тем, что нельзя оставаться в стороне. Пришлось проявить власть и пообещать дать плюнуть мне в рожу. Но потом. А пока

ждать, сохранять силу для наших бойцов и магов. А если будет совсем невтерпёж — написать рапорты и день-два в неделю проводить в местных больницах. Только не забывать, что одна — фельдшер, а вторая — вчерашняя студентка без опыта.

Это было жестоко, и я знал, что время покаяния ещё придёт, но сейчас я не мог допустить потерь. Только не таким образом. Тая меня не знала, поэтому спорить не стала. Да и муж её был на операции, и личное она просчитала слишком хорошо. А вот Лена долго смотрела мне в глаза, затем молча ушла. Но лучше бы ударила.

Время до прилёта боевого крыла казалось ненастоящим, и скрасил его только разговор Маргариты с Николаем, который она, не выдержав, всё же организовала.

Я не стал ей мешать и вышел в коридор, где нашёл подходящее кресло. Звягинцева вышла через несколько минут, сердитая, но довольная.

Вопросы я задавать не стал.

Я был на взводе и, чтобы не начать грызть ногти, отправил прибывшего координатора за семечками, соломкой и прочими снеками в ближайший супермаркет. Парень выглядел нарочито бестолковым и, следовательно, мог оказаться профессионалом, притворяющимся безвредным. Когда он ушёл, я написал на бумажке: «Жучки?», на что получил ответ от связистов, что ничего не заметили.

На всякий случай ещё раз прошлись по конференц-залу с оборудованием, но даже пассивных пишущих устройств не выявили. Вернулся координатор, притащив с собой мороз. Каково будет ребятам по такому холоду штурм вести? Пакеты с едой свалили грудой на свободном столе. Я надорвал семечки и принялся совершенно быдлярским способом их поглощать, сбрасывая кожуру на пол.

Маргарита уставилась как на говорящую лошадь.

— Алексей, ты совсем попутал?

Внимание прикомандированного перенеслось на неё. Я подмигнул Звягинцевой и продолжил отыгрывать роль хозяина жизни.

— Уплочено, — с нарочитым ударением на «о» ответил я ей, с удовольствием пережёвывать семечки. — Бери, там на всех хватит. Контора банкует. — И чуть повернулся в сторону, улыбаясь связному. — И ты присоединяйся. Ваши, наверное, такие же жлобы — лишний раз пузырь пожалеют.

— Да нет, у нас нормально. Начальство балует иной раз. То премии по мелким поводам, то вообще. — Он, довольный, что его заметили и завели разговор, немного поплыл. — А вы что, работу сменить хотите? — Нервный смешок подтвердил, что мысль засела в голову.

— Да было бы что на что менять. А то на словах горы золотые, а на деле — тьфу.

— Алексей Николаевич! — Маргарита пристукнула по столу. — Как вы можете?

— Да как есть, так и могу. — Я подпустил в голос лёгкий фальцет. — Люди вон премии получают, а мы что? Индексацию на три процента и медаль «За всё хорошее». Ты вон сама сколько на квартиру копишь? Сорок пять лет, а в майорах ходишь, хотя менты вон в райотделе в тридцать восемь в подполковниках.

Звягинцева порывисто отвернулась, Григорий с интересом наблюдал за перепалкой, пару раз машинально потянувшись за сотовым телефоном.

— Гриша, у тебя есть сигареты? С этой фигнёй уже никакая жратва не действует. — Я спихнул пакет со стола, и семечки рассыпались по всему полу.

— Нет, Алексей Николаевич, но я могу сбегать к портье.

— Будь добр, а то? я смотрю, тут все такие правильные собрались. Никакого зла не хватает. Лёша то, Лёша это... А как Лёше надо, так хрен тебе, уже сами поделили.

Координатор рванул на реактивной тяге, и Маргарита, повернувшись, покачала головой.

— На вербовку просишься?

— Пытаюсь отвлечь максимально, чтобы Сам приехал. Мелким сошкам не по чину будет. А рожу мою уже знают все. И обидно будет пропустить возможность взять на блестяшку, да?

— Не переборщи. Больше сомнений, теперь обязательно нужно в откат уйти, мол, тут всё-таки стабильность, интересно и всё такое. Иначе не поверят.

Я улыбнулся. Логично.

Гриша появился в дверях, помотал головой, приглашая с собой.

Я опёрся на трость, демонстративно тяжело пошагал к выходу. Меня догнала Звягинцева со словами Масыни:

— Пойдём-ка, покурим-ка...

Я делано возмутился:

— А ты нам на что?

— На халаву укус сладкий. Не выгонишь же?

Координатор, стусевавшись, переводил глаза с меня на неё, но в какой-то момент понял, что придётся взаимодействовать с нами обоими. На балконе было холодно, и я порадовался, что помимо бушлата надел и тёплую шапку.

Гриша сильно тянуть не стал — похоже, ценные указания от руководства получил.

— Скажи... те, Алексей Николаевич. А вы на самом деле не думали о том, чтобы на вольные хлеба пойти?

— Знаешь, Григорий. Есть анекдот такой. Приходит в бар лошадь. Ну, знаешь, обычная такая лошадь, только в пальто. Вешает пальто на крючок и просит пива и фисташек. И пока она пьёт, бармен звонит другу — директору цирка — и приглашает быстрее лететь в бар, пока лошадь никто не увёл.

— И что?

— Не перебивай. Директор видит лошадь, заказывает от себя ещё одну кружку, знакомится и предлагает поменять работу. Мол, сколько тебе платят? Тысячу долларов? Я буду две платить. Три. Пять тысяч долларов. Только ты ко мне в цирк перейди. «Цирк? — спрашивает лошадь. — Это там, где опилки, дети, шарики, клоуны всякие?» «Да-да!» — восторгается интеллект директор. «Ну за пять тысяч можно было бы. Только нафига вам там программисты?»

Координатор въехал в смысл анекдота не сразу. Но потом криво заулыбался. Маргарита, стоящая за его спиной, подмигнула мне.

— Ты хочешь сказать, что в нашем... ха-ха... цирке тебе места не найдётся?

— Да даже не в этом дело. Ты ж понимаешь, — я попросил вторую сигарету, окуроч первой бросив вниз с балкона, — тут у меня, как ни крути, стабильность, предсказуемость, хотя, конечно...

— Что ж ты, фраер сдал назад? — зло проворчала майор. — То соловьём пел на публику, а теперь сам на сам вышли, про старое-лучшее рассказываешь?

Я услышал тонкий тихий звуковой сигнал. Такой часто встраивают в мобильники для того, чтобы показать, что ведётся запись. Отлично. Теперь вопрос в достоверности мотивации.

— Да потому что — одно дело реальной работой заниматься, а другое — лошадью по манежу бегать.

— Не-е, у нас своих клоунов хватает, — блеснул глазами губернаторский «разведчик». — Нам нужны реальные пацаны.

— Слушай, ну какие тут реальные дела могут быть? От вас же до всех событий полгода скачи — не доскачешь. А что не так — федералы придут да в сторону отодвинут, сиди, мальчик, не мешай.

Григорий открыл пачку, вытряхнул было сигарету, но вернул её обратно.

— А если я скажу, что и тут дела могут быть такие, что федералы с горочки поедут?

— Не, Гриш. Ну о чём ты? Контрабасов гонять или браконьеров? Шамана под грибами нейтрализовывать? Ну не смешно ведь. Пошли, Марго, чёт мне скучно стало.

— Подожди... те... Ну а всё же?

— Парень, ты, может, и классный чел, но кто ж тебя к серьёзным-то делам допустит. Но если есьчо, то я бы послушал. И, сам понимаешь, не от тебя и даже не от твоего начальника.

— Командира... — машинально поправился Григорий.

— Тем более.

— Зови консильери, малыш, — похлопала его Маргарита, одаряя улыбкой с барского плеча. — А лучше капо.

Григорий крутил головой из стороны в сторону, а мы с майором уже ушли с балкона.

К нам в ситуационный центр он пришёл только через пятнадцать минут.